

Майлин Беймбет

Коммунистка Раушан
Рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Б35

Б35 **Беймбет М.**
Коммунистка Раушан: Рассказы / Майлин Беймбет – М.: Книга по Требованию,
2025. – 139 с.

ISBN 978-5-519-94696-4

ISBN 978-5-519-94696-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Кульзипа вдруг что-то вспомнила и никак не могла удержаться, чтобы сразу же не рассказать об этом. Помешав в костре, она заговорила с жаром:

— Шешей, ты говоришь правду — сейчас, действительно, проклятия не пристают.. В прежние времена, когда мы еще были молодыми, мы даже не представляли себе, что значит ослушаться мужа или поперечить ему как-то. Без разрешения мужа мы ни шагу не ступали за порог дома. Сказать что-нибудь против мужа считалось большим грехом. А сейчас разве есть что-нибудь подобное? Молодые теперешние келин готовы, чуть что, выгнать мужа из дому.. Сейчас, перед тем как притти сюда, я заходила к Мрза-ага. Я и забыла рассказать вам... Раушан-келин сидит надутая, сучит из жил дратву, а муж чинит ичиги. Как только я вошла, Мрза-ага говорит мне: „Скажите же этой вашей келин, чтобы она бросила все эти выдумки, а то она меня уже не слушает. Жагпар в шутку сагитировал, чтобы избрали ее, а теперь, видите, она поверила этому всерьез.. Неужели она думает, что в ауле не найдется никого лучше ее?“ Мрза-ага сердится, изливает свое горе. Мне стало жаль его, я и говорю Раушан-келин: „Келин, шраги! *) Ох, боже мой, какой стыд!.. Послушай меня...“ Но она не дала мне даже дальше говорить: „Ни чьих советов мне не надо, раз сказала поеду, значит поеду!“ Тут уж мне ничего не оставалось, как поскорее улепетывать от нее. Только и могла я сказать ей: „Ой-бой, подальше от греха с тобой! Такая вздорница и у меня дома есть. Хватит с меня!.. Езжай, езжай, можешь и крест принять там“...

— Проклятая Раушан! Она может ответить! — говорит Улжан, не зная как излить свою досаду.

Злая на Раушан еще со вчерашнего дня за то, что та вчера не пришла помогать ей носить воду для варки мыла, Зейнеп точила на нее зубы. Теперь Зейнеп представился удобный момент расчитаться с Раушан.

А все из-за этого несчастного лысого мямли. На других-то он покрикивает, а с Раушан — словно воды в рот набрал. Разве можно допускать, чтобы купленная за скот рабыня противилась тебе? Пороть такую нужно — вот что!

В порыве гнева Зейнеп чуть не пробила дно казана, взбалтывая мыло.

В начале, когда Кульзипа только еще затевала беседу о Раушан, у нее были сомнения, поддержит ли ее кто-нибудь, но когда и Улжан, и Зейнеп горячо обрушились на Раушан, ободренная Кульзипа продолжала дальше: она давно тайла зло-

*) Шраги — мыла.

бу против Раушан. Кульзипа хорошо помнит, как Раушан не дала ей остаток материи, привезенной Бакеном из города, чтобы сшить сыну рубашонку. Да мало этого, может ли Кульзипа забыть, как Раушан оскорбила ее, насмеялась над ней: „Ведь вы — бин, как же вам не стыдно попрошайничать у бедняков?“ А сегодняшняя обида! Теперь уж Кульзипа не даст ей спуску!.. Кульзипа вошла в раж, она не замечала даже разедающего глаза дыма. Она думала только об одном: скорее бы отомстить Раушан за все ее оскорбления. Но она не упускала из виду и другие: Зейнеп, оказывается, тоже сердита на Раушан, поэтому, если как следует обругать Раушан, она, быть может, даст побольше бузачика...

— Шешей, если все говорить, то не будет конца, мы и не то еще увидим в это мерзкое время... Вчера у нас были Даукара и другие джигиты. Что они только говорили! Прямо дух захватывает — так страшно!.. Рассказывают, что коммунисты созывают съезд, и кто поедет на этот съезд, того сразу запишут в коммунисты, а, ведь, коммунист на том свете не увидит божьего лица... Говорят, сказывал святой Дыргыбай-Хальфе, что по ушаршым коммунистам моления совершать нельзя, омыwać их тоже не следует... А ведь они, святые, все знают...

— Ты, келин, знаешь Керима с Кдырбая? — вмешалась Улжан!

— Да, это тот, который торгует кожами? Он купил в прошлом году шкуру нашей бурой коровы.

— Так вот, у этого Керима была дочь, засватанная за родом Сары-киз. Она была уже невестой, когда умер у нее жених, и ее помолвили с младшим братом жениха... В прошлом году она познакомилась с одним „тюре“*, работающим в губернии, и они уговорились пожениться. Отец с матерью, видимо, ничего не знали об этом, но братья, говорят, были осведомлены... В один прекрасный день этот „тюре“ приезжает с милиционером...

— Ах, невероятные, смотри, что делают!.. Ну, ну, — продолжай. Что же мать на это?

— Мать с криком ухватила за дочь, но дочь как ни в чем не бывало: „Ты мне, говорит, не нужна, теперь я, мол, иду с любимым“, — и сама вошла на бричку к милиционеру.

— Господи боже мой, какой срам, какой позор!

— Вот эта самая девушка в нынешнем году, рассказывают, приезжала в свой аул. Аул прямо диву дается. От прежней одежды и помину теперь нет, ходит, как остриженная молодая

*) Тюре — чиновник; в данном случае старухи по старому обычаю называют „тюре“ советского работника.

кобылица, все на ней коротенькое, такое легенькое, — видеть, коммунистическое. Поговаривают, что и крест даже носит на шее...

— Что ты говоришь, шешей? Почему же не прогонят из аула эту блудную овцу?

— Как же ее прогнать - то? Обмолвись только — она сейчас же своему коммунисту все скажет. А услышит он, прямо отправит в тюрьму. Не знаешь разве, что этот бий - ага с выпученными глазами сидит теперь в тюрьме за то, что был против таких вот?

— И правду говоришь, шешей... ай- ай, изменилось время! Еще вчера, когда мы были молодыми, кто-бы этих бий - ага стал заключать в тюрьму, если и в глаза-то им смотреть никто не осмеливался?! Мы сами за всю свою прошлую жизнь ни разу не ступали за порог дома, где он, бывало, сидит... Из боязни к нему, мы никогда в летние месяца не заходили в его дом и ни разу не пили у него кумыса... Да, было правильное время!..

— Говорят, что этого ата *) заключили под стражу за то, что он, будто, был замешан в конокрадстве... — тихо буркнула у дверей молодая женщина Раш. Сидевшие вокруг костра старухи устремили на нее глаза, словно намеревались проглотить ее.

— Не сиди на корточках лицом к почетному месту, необузданная! От какого это богатства ты бесишься? — прикрикнули на нее старухи.

— Нынешняя молодежь больно уж падка стала до разговоров — только и знает, что сплетни разводить — проецила насмешливо Кульзина.

— Слава тебе господи, что под охраной духов она не попала на глаза русским, а то, смотри, сама первая пошла бы с ними, — сказала сердито Зейнеп, не сводя глаз кипящего мыла.

Раш очень обидело, что за нечаянно оброненное слово женщины так взъелись на нее. Гнев охватил все ее существо, глаза загорелись, вот-вот на них блеснут слезы.

— Что же тут особенного, если даже пойти к русским? Те, кто пошли, уж, наверное, не лучше меня были, — сердито бросила старухам Раш и вышла из юрты.

Старухи не нашлись сразу, что ей ответить и удивленно смотрели ей вслед, чмокая губами.

— Поганая рабыня, подожди, вот придет муж! Не я буду, если не заставлю его спустить с тебя три шкуры! — проговорила Зейнеп, вне себя от злости.

— О, господи, что она только говорит! — ахали старухи.

— Вот человек того ужасного времени, когда кончается мир... — качали они головами.

*) Ата — отец.

Ко времени екинди*), сидевшие вокруг казана старухи разошлись по домам, завернув в подола платья теплый бузучик.

II

По большой караванной дороге ехал на бричке человек. Это — Бакен. Рядом с ним сидела женщина в белом жаулыке. Это — Раушан. Приезжавший вчера к аульному „тюре“ приказал ему взять жену в волисполном — там будет волостная конференция женщин. Конечно, нет такого обычая у джигитов, чтобы с женой разъезжать на бричке. Пусть бы еще ехал он с женой на поминки или навестить ее родителей, а то — в волисполном! Не к лицу женщинам оставлять свой дом и разъезжать бог знает где. Вот жена Тмакбая уже два года, как не может ходить, — размышляет дальше Бакен, — Тмакбай человек угрюмый и он не думает об обычаях старины. Услышав, что врачи вылечивают такие болезни, он только и знает, что возит свою жену к врачу изо дня в день. А бездельники в ауле смеются над ним, говорят: „Смотрите, как Тмакбай любит свою жену!.. Он боится жены, не смеет послушаться ее“. Да и сам Бакен не прочь был иногда посмеяться над Тмакбаем, посудачить малость. Не раз он сам говаривал: „Бедняга, и что это ему пришло в голову? Или он думает, что, если она умрет, он не найдет себе другую бабу? Постыдился бы людей!“

А сейчас Бакен сам везет свою жену. Куда бы еще ни шло, если бы он вез ее в какое-нибудь другое место, а то, ведь, в волостной аул! Кто может поручиться, что ему не скажет первый встречный: — „Уж не на свадьбу ли он везет эту чудачку — так и мелькает жаулык. Постыдилась бы разъезжать по аулу!..“ Впрочем, уже и говорят. Уже в своем ауле Бакен мельком слышал, как Кульзина зубоскалила: „дескать, пропал мрза - ага, испугался крику своей келин, собирается, вот, везти ее...“ А когда запрягал лошадь, чтобы ехать, жена Хаирбая сказала ехидно: — „Не забудь уж, Бакен, и нас, когда будешь делить находку келин!“ Что за сумасшедшая женщина! Она просто смеется надо мной! Тут Бакен опять вдруг вспомнил о том „тюре“, который приезжал вчера к аульному, и он готов был сорвать на нем всю свою злость. Да, это он, конечно, во всем виноват! Апрмай**), что это за сумасшествие? Что этот тюре хочет делать с его женой? Что за новости собирается огласить созванным женщинам? Кому и для чего нужно было тревожить спокойно живущего шаруа***)?.. Бакену кажется, что

*) Екинди — время совершения мусульманами вечерней молитвы.

**) Восклидание, выражающее удивление или страх.

***) Шаруа — крестьянин

ничего не может быть лучше, как вести спокойно свое хозяйство, спокойно жить в своей семье: заскирловать рано утром сено, сделать все необходимое по хозяйству, а как устанешь — притти домой, усесться рядом с Раушан, коленом к колену, и пить горячий ароматный чай, потом лечь спать в сумерки, выспаться как следует!.. Да разве может быть что-либо лучше этой тихой, мирной жизни?

Бакен вырос домоседом. Он не знал, что значит разъезжать по аулу вместе с другими мужчинами, вникать в аульную жизнь, участвовать в спорах, сходках. Никогда в жизни он не был на собрании. Если, случалось, спрашивали его, почему он не идет на собрание, он обычно отвечал: — „Что там делать? Нас это не касается...“ и пожимал плечами. Даже когда составляли списки по сельхозналогу, не видели его на собраниях аулсовета.

Неудивительно, что Бакену, привыкшему к такой жизни, было нелегко сейчас выехать в дальнюю дорогу, да еще вместе с женой, на-смех всему аулу!... Бакен всю дорогу думал об этом, и его мысли путались еще больше. Он словно стеснялся кого-то, и на лбу у него выступили капельки пота. Если в дороге ему встречался хотя бы и совершенно незнакомый человек, Бакен старался спрятать от него свое лицо. У него было такое чувство точно он совершил какой-то позорный поступок, после которого уже нельзя прямо смотреть людям в глаза.

День был осенний. Небо заволокли пестрые облака. Солнце, то пряталось, то нерешительно выглядывало и виновато улыбалось. Это раздражало Бакена. На нем было все зимнее. Слабые лучи осеннего солнца начинали постепенно пригревать, и Бакен, то ли под тяжестью своей теплой одежды, то ли его все еще мучил стыд, краснел и потел.

Выехав на бугорок Батыра, он остановил лошадь и слез с брички. За всю дорогу Бакен еще ни разу не повернулся к жене, все время размышляя о своем. Но когда он слезал с брички, глаза его невольно столкнулись с глазами Раушан. Раушан радостно улыбалась:

— Хорошо ездить! Я так много увидела, пока мы ехали... Сколько людей разных мы встретили! А когда проезжали мимо поселка, я не могла оторвать от него глаз: улицы прямые, во дворах чистота, порядок, а дома стройные, как гуси. Не то, что наш аул, потонувший в кучах навоза. Как хорошо живут в этом поселке люди!.. — Раушан тяжело вздохнула: — Нет никого на свете несчастнее женщин! Вечно они трудятся, вечно возятся у треножника и ничего, кроме своей юрты, не видят, нет им никаких развлечений... И так всю жизнь!.. Мужчины — другое дело: они все видят, веселятся, им нечего жаловаться на свою судьбу.

Раушан опять вздохнула и задумалась. Ей тоже, должно быть, было жарко: она сняла пуховую шаль и подставила под ветер румяное лицо. Ей хотелось поскорее рассеять гнев Бакена, мрачный вид которого угнетал ее. Всю дорогу перед ней неотступно стояли вопросы: почему женщины не равны с мужчинами? почему женщинам нельзя бывать там, где бывают мужчины? Раушан и в голову не приходило, что ехать вместе с мужем стыдно, как это казалось Бакену.

Поправляя упряжь, Бакен мельком поглядывал на Раушан. Розовое лицо жены, ее улыбающиеся глаза, мерная речь размягчили Бакена. И раньше так бывало: как бы не сердился он на жену, достаточно было Раушан улыбнуться и бросить на него ласковый взгляд, уж он таял и невольно сам начинал улыбаться. Так случилось и на этот раз. Хотя всю дорогу ему не давали покоя мысли о пересудах, которые разведут в ауле вокруг их поездки, но когда горячие глаза Раушан овеяли его своим теплом, он совершенно забыл, что так недавно еще сердился на нее. Он так размяк сейчас, что готов был исполнить все ее желанья, и если бы Раушан вздумала сейчас потребовать от Бакена разрешить ей всегда бывать в компании мужчин, — он, пожалуй, не воспротивился бы.

— Жена, для других, быть может, ты и плоха, но для меня ты хороша и дорога! Пусть плетут сплетни, пусть говорят, что им взбредет в голову, а мы все-таки съездим и съездим весело!.. Да, ведь, не ты одна едешь, говорят, еще и из других аулов тоже едут. Куда не следует идти, ты и сама не пойдешь, я знаю тебя! — закончил Бакен, приходя совсем в хорошее настроение.

Когда лошадь двинулась дальше, они уселись уже рядом. Бакен сбоку поглядывал на жену и счастливо улыбался.

III

Волисполком помещался в деревянном доме под зеленой крышей. Перед канцелярией стояли три или четыре подводы. Возле подвод сидело несколько пожилых женщин, закутанных в пуховые шали; мужчины встречались изредка. Как это обыкновенно бывает, взгляды всех сразу обратились на вновь прибывших Бакена и Раушан. В этих взглядах Бакен прочел горестное участие: «И этот несчастный привез свою жену!» Старуха с ввалившимися губами посмотрела в упор на Раушан и, сморщив брови, начала шептаться с сидящей рядом рябоватой женщиной.

— Мы люди старые, век свой уже прожили, нам-то все равно, но чего разъезжает эта молодая? — расслышал Бакен. Он оглянулся на безобразную старуху, и ему опять стало стыдно.

Низенький, круглый, как боченок, с выпученными глазами и козлиной бородкой черный мужчина обратился к Бакену:

— Из какого аула будешь, шрагм?

— Из аула Тасыбай.

— На собрание привез келин? Да, как бы там ни было, а советская власть дает женщинам все... Уж сегодня они, наверное, почувствуют свое равноправие! — он повернулся, покривившись, к своей рябой, похожей на лягушку старухе.

Старуха залепетала, как ужаленная:

— Ой-бай, куда-й*), да я разве хотела ехать сюда? Но что поделаешь, если записали милую Даметкен! Вот я и приехала вместо нее. Нам совестино было бы привезти сюда совсем молодую девушку, никогда в жизни не ступавшую на чужой порог! — оправдывалась старуха, защищаясь от нападок старика.

— Эй, ты, собака, заткнись! Я же учил тебя говорить здесь, что Даметкен заболела и потому ты приехала вместо нее!

Почувствовав, что она сделала промах, старуха начала успокаивать старика:

— Да здесь все свои, они никому не скажут. А если спросит волостной, то я уж скажу ему так, как ты говоришь.

Звали старика Ермак. В свое время он был бием **) в ауле. Хотя его и нельзя было причислить к крупным баям, но благодаря своему положению, он в свое время был тоже в некотором роде вершителем судеб аула. Сейчас — все это в прошлом. Все, что делается советской властью, ему не по вкусу, и, хотя он порядочно — таки труслив, но при удобном случае он не прочь поиздеваться над новыми порядками. Потрунив вдоволь над своей старухой, которая должна сегодня на собрании получить равноправие, Ермак, незаметно для самого себя, перешел к рассказу о прошлой своей жизни.

— Эх, было времячко, не вернешь его теперь... — вздохнул он. — Помню — я, Бокбасар, Кордабай и Ордабай выехали рано утром из аула. Первый день ночуем у Шапекена. Наш долг навестить старика и покушать у него. Бикасар байбише — жена Шапекена — хорошенько бывало угостит нас, уж ничего от нас не скроет старуха!.. В каком это году было? Кажется в тот год, когда у нас шла борьба за должность волостного. Так вот, значит, вызывает нас волостной. Мы выехали с Бокбасаром. Стогла осень, аул Шапеке был в то время на осеннем джайлау. Приехали мы к нему в сумерки. Уж и обрадовались же там нашему приезду! Байбише сварила нам все мясо, какое было в доме, и перед нами поставили большое блюдо, доверху полное вкусными жирными кусками. Сидим, беседуем и кушаем; и так это увлеклись мы беседой, что не заметили даже, что мяса на блюде осталось совсем мало. Вот уж наелись мы тогда!..

*) Куда-й — бог, господь.

**) Бий — судья.

От прошлой жизни старик перешел к современности. Он сморщил лоб и насунился:

— Ну а сейчас разве умеют что-нибудь сделать?— Одно только мучение, а не дело! Вот сколько времени мы сидим здесь у бричек голодные... Не пойму никак, для чего это женское собрание? Что там хотят с ними делать? Первый раз за свою жизнь вижу женское собрание! Чего только не бывает, когда приближается конец мира!..

Старик взгрустнул, он вздыхает, расчесывая пальцами свою козлиную бородку. Старуха на каждое его слово отвечает кивком головы.

— Хуже всего, что предложили взять на собрание дочь. Это аульный наш записал, будь он проклят, сгорел бы его дом! И все оттого, что он в ссоре с нами,— сказала она.

Ермак еще раз грозно посмотрел на жену, словно хотел сказать: — „ты опять портишь мне все дело!..“

Секретарь волисполкома, сутулый белобрысый молодой человек, вышел к ним и пригласил в канцелярию.

— Если волостной спросит, почему, мол, нет дочери, скажи, что Даметкен заболела, поэтому, де, я и приехала со стариком, боялась, мол, наказания,— твердил еще раз старухе Ермак, спешно отозвав ее в сторону.

В самой большой комнате волисполкома была разостлана кошма. Женщины сели вдруг. Раушан и Бакен присели около дверей. Вошли и Ермак со старухой. Постояв немного, видимо, ожидая, что их пригласят занять почетное место, они также уселись у дверей, так как никто не пошевелинулся и не освободил для них места. На собрание прибыло около тридцати женщин да, кроме того, собралось еще десять мужчин. У всех женщин было то же выражение, что и у ермаковой старухи: „свой век я прожила, а теперь все равно“. Из молодых была одна лишь Раушан.

В другом углу комнаты стоял длинный стол, за которым сидели председатель волисполкома, секретарь да еще какая-то по-европейски одетая женщина. Она сидела рядом с председателем и разбирала на столе бумаги. Молодая на вид, брюнетка, она сразу обратила на себя внимание Раушан. Все в ней нравилось Раушан: и тонкие изящные пальцы, которые так легко брали перо, и ее манера сидеть, наклонять, читая, голову, перелистывать бумаги.

Шустрый молодой человек вышел за дверь, выплюнул насыбай*), затем пошептался о чем-то с брюнеткой и обратился к собравшимся:

*) Насыбай — жевательный табак.

— Волостную конференцию женщины Бостандыкской волости объявляю открытой. Для ведения собрания вам нужно избрать президиум.

Женщины переглянулись, не понимая, о чем говорит оратор. Некоторые даже не слышали его, они слишком были заняты своими разговорами.

— Боже упаси, шешей, и ниточки не брали! Это у черной шешей такая уже привычка сплетничать, взводить напраслину, будь ты совершенно даже невиновна! — горячо убеждала в углу свою соседку женщина, надувая губы и, видимо, не собираясь замолчать.

— Посторонние разговоры уже можно, я думаю, прекратить, — заметил молодой человек, председатель волисполкома. Женщины сразу умолкли и испуганно смотрели на председателя.

— Так вот, для ведения собрания выберите из своей среды одну-две женщины в президиум.

Сидевшая рядом с председателем женщина обвела глазами всех женщин. Наконец ее глаза остановились на Раушан, и она спросила ее имя.

— Госпожа, мы люди бедные. У нас нет даже подводы, чтобы ездить. И сюда вот мы приехали на лошади Тмакбая... — поспешно заговорил, точно оправдываясь, совершенно растерявшийся Бакен. Сердце его тревожно билось, глаза испуганно метались, он даже побледнел от одной только мысли, что его жену могут куда-то там избрать. Сидевшая за столом женщина и председатель прислули.

— Насильно мы никого никуда не выбираем. Сейчас нам необходимы люди для ведения настоящего собрания, поэтому вам нужно избрать из своей среды одну или двух женщин, — еще раз попыталась объяснить молодая женщина в европейском костюме.

— Вот эта келин будет подходящая, ее нужно избрать, — указал на Раушан Ермак, загадочно улыбаясь.

Этот поступок Ермака, оставившего дома свою дочь и привезшего вместо нее старуху, привел в бешенство Бакена и Раушан. Раушан думала было отказаться, но молодая женщина за столом понравилась ей с первого взгляда, а сейчас было похоже на то, что она упрямивает Раушан согласиться. Раушан молчала.

— Как вас зовут?

— Раушан.

— Нет ли возражений против избрания Раушан в президиум? — повторил председатель. Неизвестно — поняли женщины вопрос председателя или нет, но все заматали головами. Раушан хотела остаться на месте, но ее вызвали к столу и уса-

дили рядом с молодой женщиной. Раушан вся дрожала, колени не повиновались ей, в глазах у нее помутилось.

Одетую по-европейски молодую женщину звали Марьям. Она заведывала уездным женотделом и приехала сюда провести волостную женскую конференцию.

Другой женщины, которую можно было-бы избрать в президиум, на конференции не нашлось, поэтому председатели волсполкома назначили секретарем собрания, а вести собрание стала Марьям. Она объявила повестку дня и приступила к докладу. Она начала издали, как-бы вспоминая о том, как жили в старое время казакские женщины, как они погибали в работе, как держали их вместо скота, выдавали замуж за нелюбимого...

— Но это отошло в прошлое,— сказала Марьям,— советская власть несет женщинам полное равноправие с мужчинами, издан специальный декрет о праве женщин, запрещен калым, многоженство, насильственная выдача замуж...

Марьям долго говорила о раскрепощении женщин Востока. Женщины, в начале мало что понимавшие в докладе, постепенно начали прислушиваться внимательнее, горячие слова Марьям затрагивали их за живое, охватывали все их существо.

— Равенство само с неба не падает, угнетенные сами должны бороться за свою свободу. Советская власть практически приступила к утверждению женского равноправия, но все мероприятия были бы напрасны, если бы сами женщины не взялись за осуществление их. Женщины должны доказать на деле, что они такие же люди, как мужчины, что они умеют работать и мыслить не хуже их. В аулах давно существуют органы советской власти, через которые она проводит свои мероприятия. И освобождение женщин будет также осуществляться через эти органы. Но есть ли в этих органах женщины? Есть, но очень мало. Если не считать грамотных одиночек, большинство наших женщин все еще привязано к казану. Многие из них никогда не переступают свой порог, не посещают собраний, не участвуют в общественной работе. Им даже кажется постыдным заниматься такой работой. В этом виноваты мужья женщин, отцы и матери девушек. Они не пускают их на собрания, не позволяют им работать. Они по-старому хотят держать женщин на цепи. Это неправильно, пора покончить с таким отношением к женщине. Женщины должны участвовать в общественной работе наравне с мужчинами.

Когда доклад был окончен, водарилось глубокое молчание. Желающих задать докладчице вопросы не оказалось, хотя Марьям несколько раз обращалась к женщинам, предлагая им, не стеснясь, спрашивать обо всем, что им непонятно. Один лишь Ермак задал вопрос: